

Анатолий Сергеевич ШаровОмский государственный педагогический университет, доктор психологических наук, профессор, Омск, Россия
e-mail: sharov@omgpu.ru**Аффективная пред-данность и собирание себя**

Аннотация. На основе анализа ранее не опубликованного наследия Э. Гуссерля, так называемых «Бернау-манускриптов», в горизонте генетической феноменологии намечено целостное рассмотрение субъективности от аффективно предданного к Я как собиранию себя. Анализируется пассивный синтез и пассивный генезис на уровне чувственности, который относится к до-предикативному опыту аффицирования и генетически предшествует тематической корреляции между субъектом и миром. Собирание себя, своего Я происходит в онто-рефлексивных процессах посредством аффективной коммуникации. Где само Я — это тождественный центр, полюс, с которым соотнесено всё содержание потока переживаний.

Ключевые слова: пассивный синтез, аффицирование, онто-рефлексия, аффективная коммуникация, Я, конституирование.

Anatolii S. SharovOmsk State Pedagogical University, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Omsk, Russia
e-mail: sharov@omgpu.ru**Affective Pre-Giveness and Accumulation of Oneself**

Abstract. Based on the analysis of the previously unpublished heritage of Eh. Husserl, the so-called “Bernau-manuscripts” in the horizon of genetic phenomenology, a holistic consideration of subjectivity from the affectively pre-given to the Self as a collection of the self is outlined. Passive synthesis and passive genesis are analysed at the level of sensuality, which refers to the pre-predicative experience of affection and genetically precedes the thematic correlation between the subject and the world. The accumulation of one’s own Self takes place in onto-reflexive processes through effective communication. Where the Self itself is the identical center, the pole with which the entire content of the stream of experiences is correlated.

Keywords: passive synthesis, affection, onto-reflection, affective communication, Self, constitution.

В 1970-е гг. после публикации ранее не изданных работ Э. Гуссерля, в большей степени это касается «Идей I» и «Идей II», происходит активное переосмысление ключевых понятий феноменологического направления, к которым относятся: феномен, пассивный синтез, пред-данное, конституирование, Я, аффективность, аффицирование. В процессе переосмысления участвовали не только ученики Гуссерля — Л. Ландгребе, О. Финк, К. Хельд и др., но и французские исследователи феноменологического направления — М. Дюфрен, Э. Левинас, Г. Марсель, М. Мерло-Понти, П. Рикер, Ж.-П. Сартр, которые сохраняли метод Гуссерля, но не его доктрину. Именно во Франции начинает развиваться уже новая феноменология, так называемая постфеноменология, которая посредством теоретических интерпретаций базовых понятий пытается открыть новые горизонты осмысления и понимания феноменологии (М. Анри, Р. Бернет, А. Мальдине). И здесь ключевую роль сыграла рецепция Хайдеггера во Франции в 1970–1980-х гг., во многом определившая ту форму, которую приняла современная феноменология. С одной стороны, это работы зарубежных философов, активно развивающие идеи Гуссерля в новой феноменологии

(Ж.-Л. Марион, М. Мерло-Понти, М. Ришир, Л. Тенгели). С другой стороны, отечественные исследователи творчества Гуссерля (А. С. Козырева, В. И. Молчанов, Н. В. Мотрошилова, Г. И. Чернавин, А. Г. Черняков, А. В. Ямпольская) также проблематизируют и переосмысливают его подход, тем самым вносят определенный вклад в развитие феноменологии.

Происходит не просто интерпретация базовых идей из наследия Э. Гуссерля, хотя он и сам в начале 1920-х гг. понимал, что идея метафизики никоим образом не исчерпывается эйдетически-феноменологической интерпретацией наук о фактах. Л. Тенгели в своей статье пишет, что «таким образом, у нас на глазах вырисовываются очертания метафизики фактичности, которая уже в самом своем начале отличается от всех традиционных метафизик» [1, с. 208], т. е. мы подошли к концу «конца метафизики». Это, безусловно, разрыв с той традицией критики метафизики, которая господствовала в интеллектуальном ландшафте континентальной философии со времен Ницше и Хайдеггера. Можно предположить, что начинается новый этап развития метафизики, а значит, происходит переосмысление ключевых понятий, и среди них на первое место

выходят: пассивный синтез, конституирование, аффективно пред-данное, Я и др.

В своей критике эгологической ориентации в анализе живого настоящего К. Хельд отталкивается от общего тезиса о том, что анализ временности у Гуссерля основан на «радикальном типе рефлексии», задача которой «в явлении схватить самое себя и опытно определить себя в том, что в любой самотематизации всегда дано только как нечто последующее» (перевод наш. — А. Ш.) [2, с. 191]. Как полагает Хельд, Гуссерль выявляет здесь некий «до-объективный» поток, который можно понимать лишь как устойчивое единство, т. е. «настоящее». Но поскольку должна быть раскрыта возможность самотематизации — это «рефлексия в зачатке», согласно образному выражению Хельда, — настоящее определяется как некое «до-предметное сообщение с самим собой». Эта апория — неизбежный результат картезианской трактовки метода феноменологической рефлексии. Апоретика живого настоящего образуется, как указывает Хельд, лишь потому, что феноменологическая рефлексия некорректно понимается Гуссерлем, поэтому во второй редакции «Логических исследований» Гуссерль признает свою ошибку и объясняет, что, «научившись находить» чистое Я, он видит необходимость включения задачи отдельного исследования Я в общее исследование интенциональности. Чистое Я выступает пред-вестником аффицирования и имеет первоначальное проявление в чувственности. Чувственность рассматривается Гуссерлем в качестве специфического вида деятельности, в которой имеет место и синтезирование, что позволяет говорить о «пред-интенциональных» структурах сознания, о своеобразном «пред-конституировании». А в силу каких причин это происходит? И здесь вопрос не в том, что это, а как нечто осуществляется. Это относится и к пассивному синтезу, каковой Гуссерль называет ассоциацией, которая опирается не на причинность, а на мотивацию сознания, что полностью соответствует феноменологическому подходу к сознанию как к интенциональной деятельности. Тем самым появилась возможность уже на уровне чувственности говорить о «пассивном генезисе», а чувственность рассматривать в качестве низшей ступени активности. На это обратили внимание ученики Гуссерля Л. Ландгребе и О. Финк, которые отмечали, что понятие конституирования колеблется между «смысло-образованием и сотворением» [3, с. 137]. Так обосновывая конституирование, Л. Ландгребе пишет, что «...следует отличать в самом понятии пассивности вторичную пассивность от первичной, некой “пра-пассивности”...» [3, с. 138], а также пассивное конституирование от до-конституирования, тем самым подчеркивая не столько бессознательный, сколько стихийно возникающий процесс самоорганизации. Анализируя живое текущее настоящее, он констатирует, что Я возникает из кинестетического процесса как пра-импрессиональное, так как его пробуждение немислимо без аффектации как качественно иного типа мотивационной связанности. Таким образом, живое текущее настоящее не может быть помислено без пра-импрессионального, отсюда и Я без импрессий не представимо, так как «изначально Я пробуждается посредством аффектации» [3, с. 147]. «Если мы теперь предположим, что все аффектации являются первично аффектациями органов чувств, как органов моего тела, и что все кинестетические движе-

ния являются условиями, при которых аффектация органов чувств становится возможной, то из этого следует, что *телесность должна пониматься не только лишь как конституированная, но и как конституирующая*» [3, с. 147–148]. Но как возможно, что мной осознается моя телесность, так что я могу говорить о ее функциях как о конституирующих? Функциям телесности принадлежат функции пассивного до-конституирования и вместе с ними трансцендентальной субъективности. Таким образом, тело не только конституировано, но также является конституирующим, но тогда как должна мыслиться телесность, чтобы она могла пониматься как конституирующая?

Эта проблема была затронута в «Идеях II» при анализе конституирования персонального Я. Для Гуссерля все способности Я, к которым относятся также и кинестетические способности, в конечном счете восходят к пра-способностям субъекта. Об этом мы можем прочесть в книге «Идей II»: «Я возникает первоначально не из опыта — в смысле ассоциативной апперцепции, в которой конституируется единство многообразия связей, но из жизни (она есть то, что она есть, не для Я, но само Я)» [цит. по: 3, с. 141]. При этом важно отметить, что понятие аффективности и аффицирования в данном случае не ограничиваются сферой аффектов, чувств и влечений, но обозначают более широкую область «первичной чувственности», включающую в себя помимо всего вышеперечисленного также аффицирование как воздействие на органы чувств. Таким образом, аффицирование в широком смысле слова охватывает любое пре-когнитивное взаимодействие между субъектом и «чувственной материей», будь то воздействие со стороны условного «внешнего объекта» или «само-аффицирование». Чтобы это прояснить, следует для начала спросить: как осознается мною первоначальным образом моя телесность, так что я могу говорить о ее функциях как о конституирующих? В ответе на этот вопрос Гуссерль пишет, что пра-импрессиональное течение сопряжено «Я», поэтому бытие любого «Я» — как и пра-течение — есть равным образом абсолютная фактичность [3, с. 152]. Так мир, в котором я живу и который переживаю как единственный для меня, коррелятивен миру, который все другие переживают как их собственный, но который есть единый общий мир для нас.

Здесь неявно на первое место выходит пассивность, или пассивный синтез, так как от конструктивного осмысления этого понятия зависит логика развития метафизики. Э. Гуссерль в «Лекциях по пассивному синтезу» саму пассивность обозначает как уровень пред-данного, того, что делает возможным активный опыт как таковой [4]. Рассмотрение проблемы пассивного синтеза и пассивного конституирования — решающий фактор для понимания феноменологии как трансцендентальной философии, и Гуссерль эту проблему достаточно содержательно рассматривает в работе «Картезианские медитации». Понимая синтез как изначальную форму сознания, он дескриптивно характеризует его «...как способ связи, который объединяет сознание с сознанием и который свойствен исключительно сознанию...» [5, с. 57]. «Это предварительно указывает на универсальный конститутивный синтез, в котором совместно функционируют в определенной упорядоченности все виды синтеза и которых охвачены все предметности как тако-

вые — действительные и возможные для трансцендентального Ego, и коррелятивно — все соответствующие им действительные и возможные модусы сознания» [5, с. 73–74]. Универсальный принцип пассивного генезиса относительно конституирования всех предметностей, пред-данных в активном формообразовании, носит название ассоциации. «...Ассоциация — это не просто название для эмпирической закономерности комплекса данных некой души, и если использовать старый образ, нечто вроде внутриспсихической (innerseelische) гравитации, но термин, и притом в высшей степени объемный, для обозначения интенциональной сущностной закономерности конкретного конституирования чистого Ego [Я], для сферы *врожденного* Arrière, без которого, следовательно, немисливо Ego [Я] как таковое» [5, с. 106]. Данное понятие, безусловно, нуждается не просто в прояснении, но более всего в конструктивном толковании и раскрытии этого формообразования, которое невозможно без Я и требует выхода на более теоретически обоснованное и конститутивное понятие.

Не тело открывает себя как Я, но каждый раз Я открывает собственное тело. В этом смысле вполне оправдано введенное Гуссерлем понятие «чистое Я», о котором он, однако, говорит, что оно может быть названо чистым Я и можно знать его сущность, но не знать, существует ли оно. Другими словами, чистое Я показывает себя окольным способом выражения, как абсолютным принципом индивидуации. Оно — это «трансценденция в имманентности», которая не переживается, а служит виртуальным или воображаемым центром организации или истоком конституирования. Что это за центр организации и в силу чего он требует своего осмысления? «В „Идеях II“ Гуссерль указывает еще на один смысл тождественности чистого Я, позволяющий ему тематизировать своеобразный „имманентный“ переход от чистого Я к потоку и горизонтности сознания и в конечном счете к эмпирическому Я. Речь идет о принятии чистым Я определенного „габитуса“... занятии им определенной позиции... Принятие габитуса как бы наполняет опыт Я „горизонтным содержанием“ и делает возможным переход от чистого Я к эмпирическому, персональному Я, хотя сам габитус принадлежит не эмпирическому, а чистому Я...» [6, с. 56]. Существует столько чистых Я, сколько и реальных Я, а это указывает на зависимость конституирования от процессов онто-рефлексивной интеграции и дифференциации [7]. Гуссерль описывает его как тождественное в каждом отдельном переживании. И всё же чистое Я не растворяется в габитусе и остается идентичным в себе как полюс или как центр онто-рефлексивной самоорганизации в живом настоящем.

Исходно живое Я есть устойчивый и абсолютно необходимый коррелят всех объектов, оно относится к ним как аффицированное или обращенное на них. По его сущностным законам из него исходят новые серии временных событий, посредством которых оно может стать для самого себя рефлексивным временным предметом, т. е. чистым Я. С учетом развития феноменологии и вставших перед ней проблем она всё более склонна к тому, чтобы рассматривать рефлексивность в онтологическом ключе, как то, что являет чистое Я, которое отнесено ко всему потоку переживаний в целом, но при этом противостоит ему, которое хотя и «живет» в каждом акте, но не ограничено актом

и «переходит» от одного акта к другому. Это Я мы обнаруживаем в каждом модусе переживаний как активное или пассивное. Оно «кустремляет» себя на объект и в известном смысле может быть «затронуто» объектом. «В наибольшей чистоте активность Я проступает в практическом — в поступке. Поступок реализуется как то, что определено и произведено „моей волей“, как то, что происходит в Я, „посредством“ Я осуществляется в действительности, как то, на что Я „нацелено“» [8, с. 111].

Здесь, по сути, происходит смена установки, что особенно характерно для поздней феноменологии Гуссерля. Так, Г. И. Чернавин пишет, что «...учение о „живом настоящем“ может иметь скорее методологическое применение: феномен исходного настоящего может выступать в качестве стартовой площадки смены установки...» [9, с. 88]. Данный феномен важен для нас теперь во многом потому, что он проясняет ситуацию феноменологической редукции — слухит «местом» учреждения нового доминирующего габитуса, новой «формы жизни», а также выполняет функцию точки отсчета в рамках смены установки. А это значит, что «...любой возвратный вопрос в рамках методики феноменологической редукции начинается с рефлексивного самообнаружения субъекта в живом настоящем» [9, с. 81], где «исходное (живое) настоящее» рассматривается как «прото-феномен», т. е. онто-рефлексивные процессы направлены к основаниям Я. Так «...„живое настоящее“ представляет собой „исходное положение к рефлексии...“». В истоке, т. е. в «рефлексии в зачатке», «...трансцендентальная субъективность обнаруживает себя... сама тематизация „живого настоящего“ запускает механизм трансцендентальной рефлексии», иначе говоря, онто-рефлексии [9, с. 92].

В книге «Исследования по феноменологии сознания» В. И. Молчанов замечает, что для Гуссерля феноменологическая рефлексия должна носить конститутивный характер, ибо она направлена не на сознание как нечто законченное и застывшее, но на сам процесс формирования и сущностной взаимосвязи переживаний. Рефлексия, таким образом, есть необходимое условие формирования феноменологического данного, феномена [10, с. 77]. «Ибо рефлексия, с точки зрения Гуссерля, — это схватывание не каких-либо произвольных свойств познавательных, эстетических и других актов, но схватывание смыслов, или значений, сформированных в этих актах» [10, с. 90]. В рефлексии схватывается в единстве поток сознания в единстве смыслов и того, что значимо для субъекта, следовательно, рефлексия конституирует сознание как поток значимостей или интенциональностей, которые имплицитно включены в онто-рефлексию [11].

Пре-когнитивная корреляция между человеком и миром, по сути, не только аффективна, но генетически предшествует нашему активному осознанию их как объектов, данных в опыте. Сам процесс аффицирования возникает из кинестетического процесса как пра-импрессионального, так как его пробуждение немисливо без аффектации, как качественно иного типа мотивационной связанности, где есть форма все объединяющей и в каждом отдельном случае особым образом направляющей мотивации, каковую мы также можем назвать формальной закономерностью универсального генезиса [5, с. 99]. Проблему пассивного синтеза Э. Гуссерль достаточно содержательно рассматривает в работе

«Картезианские медитации», где он понимает синтез как изначальную форму сознания и дескриптивно характеризует его как способ связи, причем среди различных видов синтеза он выделяет ассоциативные синтезы контраста и подобия. В целом ассоциация есть универсальный принцип пассивных синтезов, и Гуссерль различает несколько их видов, но ассоциацию на основании подобия он рассматривает как фундаментальное основание аффективной коммуникации [4, с. 54]. «В действительности, ассоциация на основании подобия — это уже мотив для пробуждения скрытых смыслов, вопрос заключается лишь в том, является ли она достаточным и единственным мотивом?» (перевод наш. — А. Ш.) [4, с. 55].

Гуссерль настаивает на том, что пробуждающие смыслы, равно как и сопутствующие им мотивы, принадлежат с необходимостью живому настоящему и присущей ему уникальной аффективной конфигурацией. Рефлексия, будучи интенциональным переживанием, есть переживание особого рода, поскольку она изначально есть активность и самоопределение, а также, будучи включенной в связи сознания и протекающего опыта, рефлексия «свободна» постигать сам этот опыт, обращать внимание на «как» его протекания. Кроме того, «...рефлексия как осуществление мотива, который задан самой рефлексией» [5, с. 108], есть онтологизация рефлексии, т. е. она тематизирует скрытые в естественном опыте интенции сознания. Тогда мотивация выступает как связь переживаний. «Будучи включенной в связи сознания или определенным образом протекающего опыта, рефлексия “свободна” постигать сам этот опыт, обращать внимание (или исследующий взгляд) на “как” его протекания, в самом естественном опыте остающееся латентным (однако всякий раз уже заключающее в себе возможность быть отрефлексированным)» [5, с. 113]. Сущностно рефлексия служит своим собственным мотивом, но, осуществляясь в естественном и психологическом опыте, этот мотив остается для нее самой скрытым.

Тогда возникает вопрос: а как вообще возможно конституирование как таковое? «Соответственно к сущности чистого Я принадлежит возможность «схватывать самого себя как то, что оно есть и как оно функционирует, и та-

ким образом делать себя предметом”...» [6, с. 55] Как это возможно — схватывание самого себя? Посредством смежных регистров (М. Ришир) онто-рефлексии, которая проявляет себя в модификации этого схватывания как различных уровней рефлексивной самоорганизации Я в поступках, смыслообразовании и обретении ценностной позиции [11]. Это выход на феноменологически понимаемую рефлексию как коммуницирующую значимость (мотивы, смыслы и ценности) в процессах интеграции и дифференциации, таким образом, в соответствии со взглядами Э. Гуссерля, мотивы выступают как описание опыта связи, а рефлексия, понимаемая с онтологических позиций, значимым (мотивы, смыслы, ценности) образом связывает и различает живое текущее настоящее. Это и есть коммуникация не только аффективности в онто-рефлексивных процессах, но и значимости [5, с. 12].

Онтологическое понимание рефлексии, а одним из первых это обосновал Гегель, как проявление различения и тождества, где посредством рефлексии осуществляется пре-когнитивная корреляция между человеком и миром, с целью организации чистого Я и Я в «живом настоящем», а также их аффективной коммуникации, которая и есть, по большому счету, проявление онто-рефлексии [12] и выход на Я-концепцию как некую целостность, которая не просто объединяет чистое Я и Я в живом настоящем, но рефлексивно их интегрирует или собирает в Self [11]. Тематизация «живого настоящего» в онто-рефлексивных процессах пассивного синтеза осуществляется посредством центрирования или интеграции, благодаря которой все интенциональности относятся к Я-полюсу. Более того, «в таком случае естественная и феноменологическая установки представляют собой ни что иное как способы “сборки” субъективности в точке изначального настоящего (urtümliche Gegenwart): в первом случае это вживание в предданность мира, во втором случае — раскрытие трансцендентального горизонта возможностей (при этом второй способ охватывает более широкую перспективу и включает первый как частный случай)» [9, с. 92–93]. Таким образом, Я выполняет функцию сборки как организации себя в трансцендентальном горизонте своих возможностей в живом настоящем.

Библиографический список

1. Тенгели Л., Кононец Д. В., Артёменко Н. А. Феноменология и категории опыта // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2012. Т. 1 (2). С. 201–219.
2. Held K. *Phänomenologie der Zeit nach Husserl // Perspektiven der Philosophie. Neues Jahrbuch*, 1981 Bd. 7. 220 s.
3. Ландгребе Л., Артёменко Н. Проблема пассивного конституирования // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2012. Т. 1 (1). С. 137–157.
4. Husserl E. *Analysen zur passiven Synthesis // Husserliana*. Bd. XI. Den Haag : M. Nijhoff, 1966. 151 s.
5. Гуссерль Э. *Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова*. М. : Академический Проект, 2010. 229 с.
6. Белоусов М. А. К вопросу о чистом Я: «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» и «Логические исследования» // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки*. 2013. Т. 115, № 2. С. 43–57.
7. Шаров А. С. Рефлексивная концепция «я» и сопряжение миров // *Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед.* 2017. № 4 (17). С. 39–41.
8. Орлова Ю. О. Отношение Я и времени в поздней феноменологии Э. Гуссерля // *Логос*. 2010. № 5 (78). С. 101–112.
9. Чернавин Г. И. Функции «исходного (живого) настоящего» в поздней феноменологии Гуссерля // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2012. Т. 1 (1). С. 76–95.
10. Молчанов В. И. *Исследования по феноменологии сознания*. М. : Территория будущего, 2007. 456 с.
11. Шаров А. С. *Онтология психологических механизмов рефлексии // Гуманитар. исслед.: Ежегодник. Вып. 10. Межвузовский сборник научных трудов*. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2005. С. 112–119.

12. Козырева А. С. «Аффективное пробуждение прошлого»: анализ пре-когнитивного измерения воспоминания в феноменологии Эдмунда Гуссерля // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2012. Т. 1 (2). С. 41–63.

References

- Belousov M. A. (2013) K voprosu o chistom Ya: "Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii" i "Logicheskie issledovaniya", *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Seriya 3: Obshchestvennye nauki, vol. 115, no. 2, pp. 43–57. (in Russian)
- Chernavin G. I. (2012) Funktsii "iskhodnogo (zhivogo) nastoyashhego" v pozdnei fenomenologii Gusserlya, *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*, vol. 1 (1), pp. 76–95. (in Russian)
- Gusserl' Eh. (2010) *Kartezianskie meditatsii*. Translated from German V. I. Molchanov. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 229 p. (in Russian)
- Held K. (1981) Phänomenologie der Zeit nach Husserl, *Perspektiven der Philosophie. Neues Jahrbuch*, bd. 7, 220 s. (in German)
- Husserl E. (1966) Analysen zur passiven Synthesis, *Husserliana*. Den Haag, M. Nijhoff, bd. XI, 151 s. (in German)
- Kozyreva A. S. (2012) "Affektivnoe probuzhdenie proshlogo": analiz pre-kognitivnogo izmereniya vospominaniya v fenomenologii Ehdmunda Gusserlya, *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*, vol. 1 (2), pp. 41–63. (in Russian)
- Landgrebe L., Artemenko N. (2012) Problema passivnogo konstituirovaniya, *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*. Vol. 1 (1), pp. 137–157. (in Russian)
- Molchanov V. I. (2007) *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya*. Moscow, Territoriya budushhego Publ., 456 p. (in Russian)
- Orlova Yu. O. (2010) Otnoshenie Ya i vremeni v pozdnei fenomenologii Eh. Gusserlya, *Logos*, no. 5 (78), pp. 101–112. (in Russian)
- Sharov A. S. (2005) Ontologiya psikhologicheskikh mekhanizmov refleksii, *Gumanitarnye issledovaniya: Ezhegodnik. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Omsk, OmGPU Publ., issue 10, pp. 112–119. (in Russian)
- Sharov A. S. (2017) Refleksivnaya kontseptsiya "ya" i sopryazhenie mirov, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 4 (17), pp. 39–41. (in Russian)
- Tengeli L., Kononets D. V., Artemenko N. A. (2012) Fenomenologiya i kategorii opyta, *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*. Vol. 1 (2), pp. 201–219. (in Russian)